

Алла Муратова

Алла Муратова

Пари с тьмой

«Автор»

2026

Муратова А. А.

Пари с тьмой / А. А. Муратова — «Автор», 2026

Борьба добра и зла. Рыцарь спасает мир от тьмы и сил зла, что вышли наружу,
когда разлом открылся.

© Муратова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Начало	5
Глава	8
Глава 3 Эльфийский меч	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алла Муратова

Пари с тьмой

Глава 1 Начало

В краю, где солнце будто стыдилось светить, стоял замок Эбрин. Его камни потемнели от времени и чужой воли, а шпили врезались в небо, как клинки, готовые пронзить любую надежду.

Здесь жил сэр Каден — рыцарь, чьё сердце давно забыло, каково это — не сжиматься от предчувствия беды. Он охранял эти земли не из славы, а из долга: тьма подбиралась к порогам каждую ночь, и с каждым разом она становилась смелее.

У Калена был друг, которого никто не ждал увидеть рядом с благородным рыцарем: тролль Борг. Огромный, с кожей, похожей на грубый камень, и взглядом, в котором было больше понимания, чем у многих людей.

Когда-то Кален вытащил его из капкана охотников, и с тех пор Борг шёл рядом, не требуя почестей. Он знал горы лучше любого человека и чуял демонов раньше, чем те успевали шевельнуться.

— Они лезут снизу, — бормотал Борг, постукивая пальцем по камню, будто прислушиваясь к глухому голосу земли. — Гора стонет. Скоро она не выдержит.

Кален кивнул, проверяя меч. Сталь была холодной, как предчувствие. И в ту же ночь к воротам пришла не одна ведьма, а две.

Первой была Лира — та, что знала древние слова и умела распутывать клятвы. Её плащ был чёрным, но на нём проступали странные узоры — будто тени пытались вырваться наружу. Её глаза светились, но в этом свете не было тепла.

Второй была Моргана — ведьма иного рода. Она не пряталась в тених, она их создавала. Её голос был бархатным, но каждое слово царапало слух, как стекло. Она смотрела на Кадена так, будто уже видела, как его душа будет гореть в её колбе.

— Ты не справишься, — сказала Моргана, едва ступив на двор замка. — Тьма слишком велика. Даже твоя сталь — всего лишь искра.

Лира нахмурилась:

— Не пугай его. Ему и так хватает страхов.

Моргана усмехнулась:

— Страх — это инструмент. А я предлагаю решение. Я могу спасти этот мир от демонов. Я могу закрыть разломы, запечатать сердце горы, заставить тьму замолчать. Но за это я возьму плату.

Кален сжал рукоять меча:

— Что ты хочешь?

— Твою душу, — спокойно ответила Моргана. — Когда всё закончится, ты отдашь её мне. Без обмана, без отсрочек.

Лира шагнула вперёд:

— Это безумие! Ты не можешь ставить на кон то, что принадлежит не только тебе. Замок, люди, Борг — они зависят от тебя.

— А если я не поставлю, — тихо ответил Кален, — то не останется ни замка, ни людей. Только пепел и тени.

Он посмотрел на Моргану:

— Я заключаю с тобой пари. Ты спасаешь этот мир от демонов, а взамен забираешь мою душу. Но если ты не справишься — ты исчезаешь. Без права вернуться.

Моргана медленно кивнула, будто заранее знала этот ответ:

— Пусть будет так. Пари заключено.

Лира стиснула кулаки, но промолчала. Она знала: спорить с Каленом, когда он уже принял решение, — всё равно что пытаться удержать лавину руками.

Борг только тяжело вздохнул:

— Если мне придётся смотреть, как твой дух утаскивают в тень, я буду очень громко ворчать. Очень.

Так начался их спуск.

Подземелья Эбрина были не просто коридорами — это были ловушки, выточенные веками. Каменные плиты сдвигались, когда на них наступали не тем шагом. Из стен тянулись холодные пальцы теней, цепляясь за одежду, за мысли. Лира шептала заклинания, и тени отступали, но не исчезали — они копились в углах, готовясь к новому броску.

На втором уровне они встретили первых демонов — юрких, быстрых, похожих на стуски дыма с когтями. Они выныривали из темноты, хватали и исчезали, оставляя на коже ледяные ожоги. Борг взревел и ударил по полу — камень треснул, и из разлома вырвался жар, который на мгновение разогнал мрак. Этого хватило, чтобы Каден успел срубить троих, а Лира — начертить на стене знак, который заставил оставшихся демонов отпрянуть с шипением.

Дальше стало хуже.

В зале третьего уровня пол был покрыт тонким слоем пепла, и каждый шаг поднимал воспоминания — чужие, тяжёлые, чужие страхи. Кален вдруг увидел себя падающим с башни, Борг — как его род исчезает в камне, Лира — как её сила обращается против неё самой. Они застыли, скованные видениями, пока Борг не ударил себя по груди и не прорычал:

— Это не правда! Это просто эхо!

Эхо отозвалось смехом.

Из темноты вышел демон — страж порога. Высокий, с длинными руками, которые тянулись, казалось, сквозь пространство. Его голос был шелестом тысяч голосов:

— Вы пришли забрать то, что уже оплачено кровью. Уходите, пока можете.

Кален шагнул вперёд, подняв меч:

— Мы не забираем. Мы возвращаем.

Битва была не такой, как в легендах: не звон клинков, а борьба с пространством, которое искажалось вокруг них. Демон тянул время, замедляя движения, ускоряя страх. Лира читала слова, что резали тьму, как стекло. Борг бросал камни, которые звенели, будто колокола, и на мгновение разрывали иллюзии.

Каден рубил пустоту, зная, что удар должен прийти туда, где реальность дрожит.

Когда демон рассыпался в пепел, коридор впереди открылся — но не к спасению, а к чему-то более древнему.

В самом сердце горы был зал, где воздух был густым, как смола. В центре, прикованный цепями из чёрного металла, лежал главный демон — тот, кому была дана клятва. Его глаза были как два провала в ничто, а голос звучал не в ушах, а в костях:

«Ты думаешь, что можешь отменить слово? Слово уже стало камнем. Камень — горой. Гора — миром. Ты лишь песчинка на его склоне».

Лира встала перед ним, её свет стал ярче, но дрожал, как пламя на ветру. Она заговорила на древнем языке, распутывая узел клятвы. Слова падали, как камни, тяжёлые и точные. Демон взвыл, цепи задрожали. Борг встал рядом с ней, положив огромную ладонь на камень, — и земля ответила ему гулом. Этот гул поддержал слова Леры, придав им вес, который даже тьма не могла игнорировать.

Но Моргана не стояла в стороне. Пока Лира расплетала клятву, Моргана чертила свои знаки — острые, как лезвия, чёрные, как бездна. Она шептала слова, которые не учили ни в одной книге, и тьма вокруг сжималась, будто её втягивало в воронку.

— Ты нарушаешь баланс, — прошипела Лира, не отрываясь от своих слов.

— Баланс уже сломан, — ответила Моргана, не глядя на неё. — Я просто ставлю всё на место.

Когда последнее слово прозвучало, цепи рассыпались в пепел. Демон не исчез в тишине — он взорвался шквалом ветра, который ударил по стенам, по сердцам, по памяти. Лира пошатнулась. Борг подхватил её, не давая упасть.

Моргана стояла прямо, будто буря её не касалась. Её глаза горели ярче прежнего.

— Пари выполнено, — произнесла она, глядя на Калена. — Мир спасён. Теперь твоя душа — моя.

Кален сделал шаг вперёд, не опуская меча, но и не поднимая его:

— Подожди. Ты спасла мир. Но ты не сказала, что сделаешь с этой душой.

Моргана улыбнулась — и в этой улыбке было что-то, чего Кален не ожидал увидеть: усталость.

— Иногда плата — это не награда. Иногда это якорь. Твоя душа будет держать разломы закрытыми. Не как пленник. Как страж.

Лира резко подняла голову:

— Ты знала это с самого начала?

Моргана пожала плечами:

— Я знала, что без него разломы снова откроются. Он — тот, кто держит равновесие.

Кален опустил меч.

— Значит, я остаюсь здесь. Не как рыцарь, а как страж разломов.

— Да, — кивнула Моргана. — Но не один. Рядом будут те, кто не даст тебе забыть, кто ты есть.

Глава

Глава 2 Кровь и коготь дракона

Тучи над замком не просто нависали — они давили, словно могильная плита, готовая рухнуть и похоронить под собой весь мир.

Ветер выл, будто тысячи проклятых душ тянулись из разлома к живому, жажда впитаться в плоть и высосать тепло до последней искры, он знал что нужен ещё артефакт- кровь и коготь дракона.

Кален шагал вперёд, и каждый его шаг отдавался в груди глухим ударом — не от усталости, а от тяжести того, что предстояло сделать. Его доспехи потемнели от копоти и пепла, будто уже несли на себе печать гибели.

Рядом шла Моргана. Её глаза горели холодным огнём, но в глубине зрачков пряталась тень страха — ведь она лучше других знала: если печать падёт, потусторонний мир не просто поглотит землю, он перекроит саму суть бытия, превратив живых в безмолвных марионеток древних сил. Она куталась в плащ, но холод проникал глубже ткани — он пробирался в кости, нашептывая: «Слишком поздно, слишком поздно...»

Путь к логову дракона был вымощен костями. Не просто останками зверей — здесь лежали скелеты тех, кто когда-то пытался остановить надвигающуюся тьму. Их пустые глазницы словно следили за Каленом и Морганой, осуждая за дерзость надеяться на успех.

Каменные стражи у входа в пещеру не были бездушными изваяниями. В трещинах их тел мерцали багровые искры — это пульсировали осколки проклятий, впитавшихся в камень за века.

Когда Кален бросился на них, воздух разорвался от скрежета, похожего на стон умирающего мира. Меч высекал искры, каждая из которых вспыхивала и тут же гасла, будто сама реальность отказывалась гореть.

Моргана шептала заклинания, и слова её звучали как удары молота по натянутой струне — они рвали ткань пространства, заставляя стражей корчиться в агонии. Наконец, те рассыпались в серую пыль, которая тут же подхватывалась ветром и исчезала в темноте, словно и не было их вовсе.

Пещера встретила их тишиной, но это была не покойная тишина — она была густой, вязкой, как застывшая кровь. В её глубине что-то дышало. И когда они увидели дракона, тот не просто лежал — он был воплощением самой древней ярости, скованной веками ожидания. Его чешуя переливалась не цветами, а оттенками боли: багряным, как запекшаяся рана, чёрным, как беззвёздная ночь, и золотым, словно застывшие слёзы богов. Глаза дракона горели не огнём — в них плескалась сама вечность, равнодушная и мудрая

— Зачем пришли? — его голос не прозвучал — он проник в каждую клетку их тел, заставил кровь стынуть, а мысли рассыпаться в прах.

Кален шагнул вперёд, и в этот миг ему показалось, что земля под ногами дрогнула, словно сама природа умоляла его остановиться. Но он не мог.

— Печать рушится, — его голос звучал хрипло, будто слова царапали горло изнутри. — Демоны уже не скребутся — они рвут ткань мира когтями, и скоро их лапы дотянутся до каждого живого существа. Нам нужны твоя кровь и коготь, чтобы стянуть разлом.

Дракон приподнял голову, и от этого движения своды пещеры застонали, как раненый зверь.

— Вы просите то, что может сжечь ваши души дотла, — произнёс он, и каждое слово падало в тишину, как тяжёлый камень в бездонный колодец. — Кровь моя — это не жидкость, это пламя, пожирающее время. Коготь — это остриё судьбы, способное разрезать не только материю, но и саму нить жизни. Вы готовы заплатить цену, которую даже я не смогу назвать?

Моргана шагнула вперёд, и её голос прозвучал твёрдо, но в нём слышался едва уловимый треск, будто лёд на краю пропасти начинал ломаться:

— Мы готовы. Потому что альтернатива — это не смерть. Это вечность в плену у теней, где даже память о себе станет проклятием.

Дракон долго смотрел на них, и в его взгляде мелькнуло нечто, похожее на древнюю усталость — усталость существа, видевшего гибель цивилизаций и рождение новых миров. Наконец он кивнул, и этот кивок отозвался в груди Калена глухим эхом, словно предвестник беды.

Дракон склонил голову и одним движением когтя распорол собственную чешую. Кровь хлынула не потоком — она вырвалась, как вырвалось бы пламя из сердца солнца. Она не была красной — она пылала всеми оттенками агонии: от ослепительно-белого до глубокого фиолетового, цвета умирающих звёзд.

Моргана достала хрустальный сосуд, и когда первые капли коснулись стекла, сосуд задрожал, будто хотел вырваться из её рук. Холод и жар одновременно пронзили её пальцы, и на мгновение ей показалось, что она видит все свои прошлые жизни, сторающиеся в этом пламени.

Затем дракон протянул лапу, и Кален, стиснув зубы так, что казалось, они вот-вот треснут, отломил один из когтей. Тот отозвался не звоном — а протяжным стоном, будто металл впитал в себя крики всех, кто когда-либо погибал в этих землях.

Как только артефакты оказались у них, мир вокруг содрогнулся. Разлом, который они так долго искали, распахнулся прямо перед ними — не просто трещина в воздухе, а зияющая пасть, из которой тянулась тьма, густая и маслянистая, словно живая. Из неё вырывались шёпоты, обещающая Калену и Моргане вечные муки за их дерзость.

Моргана начала читать заклинание, и её голос взмывал над рёвом ветра и шёпотом демонов, становясь всё громче, всё отчаяннее. Слова сплетались в узор, который разрывал саму ткань реальности. Кален вонзил коготь в край разлома — и тот вспыхнул не светом, а ослепительной болью, которая пронзила всё вокруг. По воздуху побежали трещины, стягиваясь, как заживающая, но бесконечно мучительная рана.

Моргана влила каплю драконьей крови, и магия взорвалась волной чистого, безжалостного света, сметая тени, заставляя их визжать от боли, прежде чем раствориться в небытии.

Печать сомкнулась. Но это не было торжеством — это было затишьем перед бурей. Мир вздохнул, но этот вздох был тяжёлым, надрывным, будто он знал, что покой продлится недолго.

Кален опустился на колени, чувствуя, как остатки драконьего огня медленно гаснут в воздухе, оставляя после себя лишь пепел и холод. Моргана стояла рядом, её руки дрожали, а глаза были полны мрачного понимания.

— Мы сделали это, — прошептал Кален, но его слова прозвучали не как победа, а как признание совершённого греха.

Моргана кивнула, и в её голосе прозвучала горечь, острая, как лезвие:

— Да. Но цена уже начала взыскивать долги. Чувствуешь, как в жилах шевелится чужое пламя? Это кровь дракона напоминает: ничто не даётся даром.

Они стояли на краю восстановленного мира, два измученных странника, чьи судьбы теперь были навеки сплетены с древним пламенем. Впереди их ждали новые битвы, новые жертвы. Но сейчас, в этот миг, мир был спасён, но ненадолго.

Глава 3 Эльфийский меч

Моргана увидела, что для закрытия печати от тьмы кровь и коготь дракона недостаточно — нужен ещё один артефакт: волшебный меч эльфов.

Тени в зале замка Эбрин сгустились, будто сами стены шептали о надвигающейся беде, а воздух стал тяжёлым, пропитанным горьким привкусом магии.

Она подняла глаза на Калена — в её взгляде читалась не просто решимость, а холодная, выжженная годами сражений усталость. Моргана провела рукой над рунами, и воздух в комнате загустел.

— Ты боишься, что печать не выдержит, — тихо сказала она, но голос прозвучал странно: будто не её, а будто слова вылетели из самого мрака. — И ты прав. Она не выдержит. Но мы всё равно должны попробовать.

— Ты должен отправиться в замок Эльфов, — произнесла Моргана, и её голос прозвучал как приговор, от которого не скрыться. — Никто другой не сможет пройти этот путь.

Тролли знают дорогу через Мрачные Пустоши — они помогут, потому что понимают: если печать падёт, не уцелеет ни их земля, ни их народ. Но помни: эльфы безжалостны. Они не отдадут меч по доброй воле. Ты должен быть готов ко всему.

— Я подвёл их, — прошептал Кален, не поднимая глаз. — Всех, кто верил, что я спасу этот край.

Моргана шагнула ближе, её голос прозвучал не как упрёк, а как признание общей тяжести:

— Ты не говоришь этого вслух, но думаешь: «Я не достоин быть тем, кем меня считают». Перестань. Достойны только те, кто всё равно идёт вперёд, даже когда стыдно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.